

Указы, уставы, уложения

Первая половина XVII века, на наш взгляд, это как раз то время, с которого следует говорить о законодательстве и обороте огнестрельного оружия в Русском государстве. Во-первых, к этому времени огнестрельного оружия уже появилось такое количество, что оно начинает фигурировать в указах. К тому же «наступившее в начале XVII столетия «смутное время» дало новый толчок оружейному мастерству: вместе с интервентами в Москву пришли более совершенные образцы западного огнестрельного оружия».

Во-вторых, в это время «...заметно возрастает законодательная деятельность Русского государства». Венцом этой деятельности и явилось создание Соборного Уложения 1649 года, которое, обрастая множеством дополнений, на протяжении длительного времени оставалось основным кодексом российских законов.

По ряду объективных причин на Руси была велика роль обычного права, нормы которого записывались, «...когда обычай приходил в противоречие с новыми отношениями». Из-за пробелов в законодательстве эти нормы регулировали большую часть повседневных отношений средневекового человека с окружающими, его частную жизнь вплоть до XVIII века.

Но в XVII веке значение всеми признаваемого обычая пошатнулось, в результате появляется создававшееся в сжатые сроки Соборное Уложение, которое, по утверждению Н. П. Загоскина, во многом было отражением норм, действовавших в среде русского населения обычного права.

Об огнестрельном оружии в Уложении лишь упоминается в нескольких главах. Самая интересная для нас из которых – третья, «О Государеве дворе, чтоб на Государев двор ни от кого никакого бесчинства и брани не было». В статье 6 этой главы, которая, как предположила Е. В. Чистякова, могла возникнуть под влиянием событий 1648 года в Москве, говорилось: «Такоже Царское Величество в объезде быти из пищалей и из луков и из иного никакого оружия никому без Государева указу не стреляти и с таким оружием в Государев двор не ходити». Это, пожалуй, единственная статья в Соборном Уложении, в которой говорилось об огнестрельном оружии, определялось, где и когда запрещено его употребление и ношение. В других статьях говорилось даже не об оружии как таковом, а о нарушении закона с использованием оружия, то есть оружие выступало квалифицирующим признаком. Например: «А буде кто при Государе вымет на кого какое-нибудь оружие...». О том, что кому-то было нельзя владеть огнестрельным оружием или что какое-то оружие запрещено, в Уложении ничего не говорилось.

Было ли такое невнимание к обороту и владению огнестрельным оружием упущением со стороны составителей Уложения, следствием поспешности или всё же такое отношение было объективным?

Соборное Уложение появляется в обстановке раскола и беззакония, творившихся тогда в обществе. Как отмечал в своих лекциях И. Д. Беляев, общество было деморализовано, всего боялось.

Возникает вопрос: насколько были необходимы законы об обороте и владении огнестрельным оружием в то время, когда у одних не было никаких прав, а на других – никакой управы? Видимо, не очень.

Несмотря на издание Соборного Уложения, в большом количестве продолжали издаваться самого различного рода указы, боярские приговоры, уставы, большая часть из которых «возникла путем чисто практическим». Подобного рода документы, изданные до 1696 года, и получили название «Новоуказных статей».

По утверждению Н. П. Загоскина, «Новоуказные статьи» не вносили ничего нового в строй русской правовой жизни, а лишь фиксировали сложившееся положение дел, как-то: «...ныне на Москве ездят по улицам вory, всяких чинов люди и Боярские холопы, в санях и пешии ходят многолюдством с ружьем, и с бердышами, и с рогатины, и с топориками, и с большими ножами

и воруют, людей бьют и грабят и до смерти побивают...», в связи с чем в январе 1668 года был издан именной указ, по которому стольникам, стряпчим, дворянам московским, жильцам, дворянам городовым, детям боярским и «всяких чинов служилым людям» на «сырной неделе» (последняя неделя перед постом, на которой каждый день гуляют) было запрещено с 23 часов (в указе это звучало: «с отдачи часов дневных четыре часа») ходить с каким-либо оружием кроме палок, а с 24 часов – вообще выходить из дому.

Под влиянием московских событий 1682 года 25 октября выходит именной указ, которым «стольникам и стольникам же, и полковникам, и стряпчим, и дворянам московским, и жильцам, и начальным людям русским, и иноземцам, и городовым дворянам, и детям боярским на Москве и в походах» разрешалось ходить только с холодным оружием («ходить с саблями и шпагами и с иным таким же ружьем»). Огнестрельное оружие, судя по смыслу документа, носить запрещалось.

В лекциях И. Д. Беляева упоминается ещё об одном указе, изданном 13 декабря того же года, которым предписывалось «никаких смут не затевать, с оружием в городах и никуда не ходить». Приведённые указы по сути своей были направлены не на ограничение оборота огнестрельного оружия или круга лиц, имеющих право на владение им, а на обеспечение порядка, безопасности.

В конце XVII века оружие в городах часто стало использоваться для забавы, стрельба из ружей, очевидно, стала распространённым и, главное, очень опасным развлечением, так как многие не могли ещё представить себе возможности огнестрельного оружия.

В 1684 году выходит именной с боярским приговором указ «О запрещении стрелять в домах из ружей», в котором, в частности, говорилось: «Московских и всяких чинов людям сказать, чтоб они в домах своих ни из какого ружья не стреляли и людям своим стрелять не давали». В 1685 году выходит новый указ, подтверждающий запрещение стрелять «московским и всяких чинов людям» и устанавливающий несколько иные наказания.

Поскольку почти все постройки были деревянными и ни о какой технике безопасности обращения с огнестрельным оружием в обычном праве речи идти не могло, не удивительно, что подобные развлечения приводили к пожарам. Так в августе 1699 года из-за участвовавших в Москве пожаров именным указом запрещается стрельба не только в домах, а в целых районах города: «в Китае, и в Белом, и в Земляном городах».

Приведённые указы, как мы уже говорили выше, лишь фиксировали сложившееся положение дел, не внося ничего нового, именно поэтому мы не можем в полной мере считать их законами, поскольку последние помимо всего прочего должны ещё и моделировать будущую ситуацию.

Но к началу XVIII века в законодательстве происходят значительные изменения. Утверждается принцип приоритета закона как источника права над обычаем. Проводится работа по устранению упущений в законодательстве.

В 1718 году выходит очередной указ «О запрещении на дворах и по улицам стрельбы под взысканием штрафа», который не только запрещал, стрелять «на дворах

В царствование Алексея Михайловича Романова в Русском государстве появляется Соборное Уложение 1649 года

и по улицам из ружья ни из какого днём и ночью... кроме тех, кому указом велено будет», но и предписывал «а буде кому для забавы выстрелить и те б люди выходили стрелять за слободы в поле, где жилища нет», моделируя тем самым будущую ситуацию, в результате чего этот указ, в отличие от предыдущих, может считаться законом.

В 1722 году текст этого указа, который был объявлен «Генерал-полицмейстером Девиером... в Санкт-Петербурге всяких чинов людям», в виде одного из пунктов будет включен в «Инструкцию Московскому Обер-полицмейстеру Грекову» и «Инструкцию, данную Московской полицейской канцелярии». Вполне возможно, что косвенной причиной появления этих документов могли быть предпринимаемые в то время попытки кодификации.

16 июля 1743 года после несчастного случая, произошедшего 5 числа того же месяца, когда неизвестными,

которым удалось скрыться, был ранен солдат, Военной Коллегией в Полицмейстерскую канцелярию была послана «промемория» о том, чтобы в Санкт-Петербурге было опубликовано «... с крепким запрещением... впредь как по рекам гулящие, а особливо близ жилища на дворах, кроме одних воинских чинов и то при учреждённых парадных местах своевољством своим никто стрельбы отнюдь чинить не дерзали под опасением жестокого штрафа и истязания. Помимо этого, вероятно в связи с тем, что Военной Коллегией был сделан вывод, что несчастный случай и тот факт, что виновным удалось скрыться произошли по недосмотру полиции, в Сенат был направлен рапорт «...чтоб и от Правительствующего Сената то Полицмейстерской Канцелярии в том смотреии подтверждено было наикрепчайшим указом».

В связи с этим случаем уместно остановиться на одной из серьёзнейших проблем нашего государства – исполнении существующих законов, вернее, неисполнении, тем более что она оказывала влияние не только на законодательство, но посредством его и на политическое устройство государства. В России мало что делалось, если ответственность за исполнение не была закреплена за кем-либо конкретно.

Эта проблема сдерживала появление норм об огнестрельном оружии в Соборном Уложении, и в течение какого-то времени после не было смысла в указах, которые всё равно не исполнялись бы. Из-за неё, до появления «Устава благочиния», указы, запрещавшие стрельбу, издавались только для жителей Москвы, а затем и Санкт-Петербурга, хотя в других городах тоже было огнестрельное оружие, и дома в тех городах были не сплошь каменными. Она же определяла форму законодательства: многие указы (иногда это были инструкции, указы) были «данныя» кому-либо («Именной, данный из Кабинета Ея Величества Оружейной Канцелярии Советнику Беэру»), тем самым обозначалось, как бы сейчас сказали, ответственное лицо. Одной из причин всего этого указывается отсутствие со стороны государства возможности контролировать выполнение закона не только на местах, но и в столице из-за того, что, как минимум до середины XVII века, соответствующих структур аппарата власти, как, впрочем, и самого аппарата как такового, просто не было.

Но даже с появлением в государстве соответствующих структур, призванных следить за исполнением законов, ситуация изменялась незначительно.

Следующим шагом в развитии законодательства об огнестрельном оружии можно считать издание 8 апреля 1782 года «Устава Благочиния», который содержал две статьи, посвящённые огнестрельному оружию. Эти статьи гласили: «Подтверждается запрещение всем и каждому носить оружие, кому указание того не позволяет или предписывает» и «Буде кто в городе учнёт носить оружие, кому указание того не дозволяет или предписывает, с того, отобрав орудие без возврата, взыскать пеню, дневное содержание рядового, и сажать под стражу, дондеже заплатит».

Эти нормы были дальнейшим развитием ранее изданных указов, что видно даже из формулировок текста («Подтверждается...»). Но с их появлением действие этих указов не отменялось.

В отличие от предыдущих эти нормы были универсальными. Запрещая всем и каждому носить оружие, они действовали на территории всего государства, а не только Москвы или Санкт-Петербурга. Это было естественным результатом развития не только законодательства, но и государственного аппарата. Нужно заметить, что Уставом благочиния лишь ограничивалось свободное ношение огнестрельного оружия, а не запрещалось владение им (в противном случае в дальнейшем мы бы рассматривали законы, не ограничивающие оборот огнестрельного оружия, а разрешавшие его владение различными категориям).

Эта мера была необходима для того, чтобы хоть как-то упорядочить его использование в городах. Учитывая все попытки государства на протяжении довольно продолжительного периода времени пресечь самовольную стрельбу ради развлечения, это было вполне обосновано и закономерно.

В одном из примечаний «Устава о предупреждении и Пресечении Преступлений» было сказано, что введенный «Уставом Благочиния» общий запрет на ношение оружия в скором времени потребовал более точного определения свойств запрещённого оружия, что и было сделано указом в июле 1793 года, запрещавшим трости «...со вделанными в них потаенными кинжалами...». Если при этом мы вспомним об эргономике огнестрельного оружия того времени, то можно говорить, что «...запрещение всем и каждому носить оружие, кому узаконание того не позволяет или предписывает», в первую очередь, подразумевало холодное, а не огнестрельное оружие.

23 марта 1839 года был высочайше утверждён «Сельский полицейский устав для государственных крестьян», который содержал следующие положения: «Запрещается носить при себе оружие во всякое время, исключая ловлю диких зверей и охоту. Запрещается стрелять в селениях, домах, во дворах, на улицах и площадях». Собственно, это те же нормы, что мы видим и в «Уставе Благочиния», но сформулированные для другой категории населения. И в данном случае уже нельзя говорить, что речь, в первую очередь, идёт о холодном оружии.

Благодаря деятельности М. М. Сперанского, в России XIX века идёт работа по кодификации законов, которая, естественно, затронула и законодательство об огнестрельном оружии, что было особенно важно, так как до сих пор не было единого закона об оружии, уровень технического развития которого к середине XIX века был заметным. В 1845 году издаётся «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», что стало новой вехой в развитии законодательства об огнестрельном оружии.

Третья глава этого документа была о нарушении общественного спокойствия и порядка.

Семь статей этой главы были посвящены огнестрельному оружию (другие были о собаках, хулиганстве т. д.). Им воспращалось:

– изготовление огнестрельного оружия, которое было «...вовсе запрещено законом или предоставлено оной казне»;

– хранение запрещённого законом оружия;

– «...в городе или селении...без явной необходимости употреблять огнестрельное оружие в доме или на дворе,

или же на улице или площади, или в ином каком-либо месте, где по вероятности могут в то время быть и часто бывают люди»;

– горожанам держать заряженным оружие «...в домах или иных местах, где могут быть и часто бывают люди»;

– без особой надобности, ходить с оружием и тем более заряженным в местах, «...где сие правительством запрещено». Надобностями признавались «...отправление на охоту или в дорогу и т. п.».

Мастеровые должны были докладывать полиции о людях, приносящих «для починки какое-либо запрещённое законом оружие», иначе им грозило наказание.

На момент появления «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» его нормы об огнестрельном оружии были вполне современными. Это, пожалуй, первый документ, вобравший в себя и более или менее систематизировавший основные указы об оружии.

Несмотря на то, что «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» можно считать кодексом и по своему значению оно не шло ни в какое сравнение с изданными ранее указами, поскольку должно было отменять их действие, некоторые указы об оружии оставались в силе. Это было необходимо для уточнения формулировок Уложения. Например, что являлось запрещённым оружием? Для ответа на этот вопрос следовало обращаться к сенатскому указу от 19 июля 1750 года, запрещавшему купцам выписывать из-за границы

При Екатерине II был принят «Устав благочиния»

«...деревянные ружья с железными пружинами и винтами, с принадлежащим к ним прибором, кои действуют духом», и к именному указу от 8 июля 1793 года «о ношении тростей с потаенными кинжалами». Как мы видим, об огнестрельном оружии ни слова.

Но всё же говорить, что в России до начала XX века было разрешено владеть любым огнестрельным оружием не совсем правильно. Проводимая Петром I военная реформа делает армейское оружие собственностью государства. А артикулами 111 и 112 «Артикула воинского», появившегося в 1716 году и представлявшего собой уголовный кодекс, определяется, что оружие, порох считаются военной добычей и сдаются государственной казне, а в 59 говорилось о наказаниях солдатам, продающим своё оружие, и гражданам, покупающим его у солдат.

Помимо Уложения о наказаниях нормы об огнестрельном оружии содержались и в некоторых других Уложениях и Уставах Свода Законов Российской Империи.

«Устав о предупреждении и Пресечении Преступлений» запрещал «...всем и каждому: 1) Носить оружие, кроме тех, кому закон то позволяет или предписывает. 2) Носить трости со вделанными в них потаенными кинжалами, клинками и другими орудиями. 3) Стрелять в домах, дворах, на улицах и площадях».

В «Уставе Пожарном» запрещалось «частным людям...стрелять из огнестрельного оружия в домах».

В утверждённом 20 ноября 1864 года «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» определялись наказания за хранение и ношение запрещённого оружия, а также за хранение незапрещённого оружия, но заряженного.

Из приведённых документов видно, что государством огнестрельное оружие, в отличие от упомянутых тростей, не расценивалось как инструмент для совершения преступлений, а справедливо считалось лишь общественно опасным при условии неосторожного обращения. Именно это неосторожное обращение государство своими законами и пыталось свести к минимуму, запрещая, например, «носить оружие, кроме тех, кому закон то позволяет или предписывает».

Существенным недостатком законодательства Российской Империи об огнестрельном оружии было то, что государством не придавалось должного значения законодательному регулированию оборота и владения огнестрельным оружием. В решении этого вопроса государство, что было для него проще, больше полагалось на помещиков, чья власть над крепостными порой была намного эффективней законодательной. В пользу этого говорят и формулировки, встречающиеся в некоторых указах, например: «и людям своим стрелять не давали». «Устав о содержащихся под стражею и ссыльных» регулировавший оборот огнестрельного оружия у таких категорий населения, как, например, ссыльно-каторжные, которые были вне крепостного права, в январе 1835 года был дополнен запрещением иметь им «всякое огнестрельное оружие, хотя бы они по увольнении от работ и жили своими домами». Одну из причин такого решения мы видим в отсутствии у государства возможности обеспечивать контроль и регулировать владение огнестрельным оружием у данной категории граждан. Такая ситуация была ничем иным, как пережитком обычного права, сохранившимся благодаря крепостному праву, и не могла позволить государству обеспечивать исполнение перечисленных законов на всей территории государства.

